

УДК 811.111'282.2(73)

ББК 81.411.2

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2022/4/106-114>

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ ЕВГЕНИИ НЕКРАСОВОЙ

Е. Н. Подтележникова, А. Ю. Луценко
Воронежский государственный университет

LINGUISTIC FEATURES OF EVGENIA NEKRASOVA'S IDIOSTYLE

E. N. Podtelezhnikova, A. Yu. Lutsenko
Voronezh State University

Аннотация: в статье описаны такие особенности идиостиля Е. Некрасовой, как кумулятивность, семантические оппозиции и особые лексические средства, специфика которых обусловлена влиянием постмодернизма, к которому относится творчество писательницы. Постмодернизм отличает тесная связь с историей и культурой, протест против устоявшихся традиционных моральных и социальных норм, придание знакам культуры иронического подтекста, выраженная эклектичность. В рассказе «Сестромам» наблюдаются элементы поэтики кумулятивной сказки, что особенно ярко проявляется в его структуре и многочисленных лексико-синтаксических повторях ключевых фраз на протяжении всего текста. Семантические оппозиции в рассказах Е. Некрасовой помогают противопоставить личности главных героев и проследить за динамикой развития каждого из них. Оппозиции проецируются на различные плоскости: личное и социальное, духовное и физическое. При этом персонажи, которые в оппозициях на телесном семантическом уровне занимают место «красивых» и «складных», в большинстве случаев на духовном и этическом уровнях являются «глупыми» и «враждебными». Сказочные речения, песенки-заговоры в рассказах Е. Некрасовой позволяют отнести их к прозе постфольклора. Язык Е. Некрасовой сложен для восприятия, он изобилует окказионализмами, наиболее частотными из которых являются окказионализмы, образованные путем сращения и деривации. Высокая степень образности создается автором с помощью сравнений (в том числе творительных), метафор, перифраз, эллипсов и алогизмов. Лексико-синтаксические повторы эмоционально воздействуют на читателя, а прецедентные феномены превращают текст в загадку. Идиостиль Е. Некрасовой отличается, с одной стороны, развлекательностью, красочностью, иронией, с другой – глубокой философичностью.

Ключевые слова: идиостиль, постмодернизм, постфольклор, семантические оппозиции, кумулятивность, сказка, стилистические маркеры, прецедентные феномены, окказионализмы.

Abstract: the article describes such features of E. Nekrasova's idiostyle as cumulation, semantic oppositions and special lexical features of postmodernism. Postmodernism is closely connected with history and culture; it shows protest against established traditional moral and social norms, having the signs of culture an ironic subtext, eclecticism. In the story "Sestromam" there are elements of the poetics of a cumulative fairy tale, which is especially evident in its structure and numerous repetitions of key phrases throughout the text. Semantic oppositions in E. Nekrasova's stories help to contrast the personalities of the main characters and follow the dynamics. Oppositions are personal and social, spiritual and physical. At the same time, the characters who are "beautiful" and "folding" in the oppositions at the bodily semantic level, in most cases are "stupid" and "hostile" at the spiritual and ethical levels. Fairy-tale sayings, songs-conspiracies in the stories attribute them to the prose of post-folklore. E. Nekrasova's language is difficult, it is replete with occasionalisms, the most frequent are formed by fusion and derivation. There are a lot of comparisons, metaphors, periphrases, ellipses and alogisms. Lexical and syntactic repetitions affect the reader emotionally, and precedent phenomena turn the text into a riddle. E. Nekrasova's idiostyle is distinguished, on the one hand, by entertainment, colorfulness, irony, on the other – by deep philosophy.

© Подтележникова Е. Н., Луценко А. Ю., 2022

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Key words: *idiosyle, postmodernism, post-folklore, semantic oppositions, cumulation, fairy tale, stylistic markers, precedent phenomena, occasionalisms.*

Введение

Художественный текст является неотъемлемой частью лингвистических исследований. Изучению важнейших его аспектов, таких как категории автора, языковой личности, художественной картины мира, художественного континуума, посвящены работы В. В. Виноградова, И. Р. Гальперина, Ю. В. Казарина, Ю. Н. Караулова, В. А. Лукина, Л. А. Новикова, В. А. Пищальниковой, Г. Я. Солганика, Н. Е. Сулименко, М. Ю. Мухина, Л. Г. Бабенко, Н. С. Болотновой и многих других.

Влияние культуры на художественный текст бесспорно и рассматривается как тесное взаимодействие двух семиотических систем [1]. Культурные изменения последних десятилетий привели к возникновению феномена постмодернизма в художественной литературе, который изучается преимущественно в культурологии, литературоведении, философии. Актуальность данной работы обусловлена незначительным количеством лингвистических исследований прозы постмодернизма и отсутствием лингвистических работ, посвященных творчеству Е. Некрасовой.

Цель работы заключается в изучении структурных и содержательных особенностей идиостиля Е. Некрасовой (кумулятивности, семантических оппозиций и лексических средств).

Особенности идиостиля писателей-постмодернистов

В свое время В. В. Виноградов полагал, что «стиль писателя создает и воспроизводит индивидуально-выразительные качества и соотношения вещей-образов, типические для творческой системы именно этого художника» [2, с. 211]. Определение идиостиля писателя в лингвистике связано, в первую очередь, с изучением набора языковых средств и с тем, каким образом эти средства взаимодействуют [3].

Особенности творчества Е. Некрасовой объяснимы его принадлежностью к постмодернизму, возникновение которого обусловлено общественно-политическими, экономическими, психологическими и социокультурными факторами. Российский постмодернизм возник во времена посттоталитарного развития отечественного искусства и культуры. Его формирование происходило в рамках запрета на полноценное циркулирование идей, что пропитало его контекст такими характеристиками, как категоричность, политизированность, протест. Вследствие этого постмодернизм в отечественной культуре стал образом сверже-

ния существовавшего в те времена свода правил и ограничений во всех сферах [4].

Современная литература, следуя ключевому принципу постмодернизма, который представляет «мир как текст», как бы создает новый тип текста – «текст как мир», противоположный мир, где есть место как создающему этот самый текст, так и его интерпретатору [5]. Вследствие того, что автор ориентируется на процесс создания текста, а не на творческий результат, камнем преткновения для читателя является язык. Специфика языка постмодернизма заключается в том, что в большинстве случаев главное для автора – форма, а не значение, стиль, а не содержание. Писателю намного важнее игра с языковыми средствами, их реализация внутри текста, а также возможность смешения компонентов разных литературных жанров и стилей [6].

Постмодернизм наполняет эклектичностью содержание или, другими словами, «принимает все стили и каждый делает маской несуществующего смысла» [7, с. 41], отображая различные запросы современного читателя. Эклектика – это новая форма искусства, отличающаяся своим особым стилевым качеством, которое заключается в разнообразии формостроения, присущем литературе постмодернизма [8].

По мнению Я. В. Погребной, в языке постмодернизма выделяются две основные отличительные черты: 1) «принцип айсберга» или же уход текста корнями вглубь истории и культуры; 2) ориентация культуры не на действительность, а на культуру же [9]. Это находит выражение в постфольклоре (термин С. Ю. Неклюдова [10]) – явлении, главным признаком которого стал протест устоявшимся традиционным моральным и социальным нормам, придание знакам культуры иронического подтекста, игра с языковыми средствами, стилями и жанрами, интерес к современным субкультурам, к мифологии и другим формам массовой культуры [11]. Симбиоз постмодернистского текста и элементов сказки помогает заменить былую, присущую устному народному творчеству, «поучительность» на контекстуальную ироничность, придающую персонажам более реалистичный образ, существующий уже не в сказочном и волшебном мире, а в русской повседневности.

Ирреальное, мифологическое [12–14] часто становится предметом лингвистических исследований. Как известно, сказочные произведения имеют свой собственный скелет, свою собственную неповторимую структуру, основанную на многократных повторениях. Эту особенность В. Я. Пропп определил как «кумулятивность» [15]. Формируя четкий подход к

классификации сказок кумулятивной структуры, начатый А. И. Никифоровым, В. Я. Проппом и И. И. Толстым, А. А. Кретов указывает на их основное свойство – повторение «сюжетных морфем» [16]. Кумулятивные сказки построены на многочисленных повторах эпизодов, но с другими персонажами, или повторах с увеличением числа персонажей. Именно такой тип структуры сюжета характерен для некоторых рассказов Е. Некрасовой.

Также важным при изучении фольклора является антитеза, когда, по мнению Н. М. Ведерниковой, «противопоставление персонажей, являющееся сюжетообразующим средством, выливается в композиционную антитезу, соответственно и стилевые формулы (оценка поступков, диалоги и т. д.), часто построенные на контрастах» [17, с. 70]. В некоторых случаях антитеза может быть использована для того, чтобы отчетливее охарактеризовать какой-либо предмет или явление на фоне другого. Так, например, с помощью семантических оппозиций авторы противопоставляют главных героев, которые, как правило, являются антагонистом и протагонистом. Данный прием стал интересен исследователям в фольклорных произведениях тем, что внутри бинарных оппозиций можно увидеть четкие границы принципа образцовых представлений о социуме и о роли отдельного человека внутри него [18].

Одной из центральных оппозиций в фольклорных произведениях является оппозиция «свой/чужой», которая «осмысливается через разноуровневые связи человека: кровно-родственные и семейные (свой/чужой род, своя/чужая семья), этнические (свой/чужой народ, своя/чужая нация), языковые (родной/чужой язык, диалект), профессиональные (своя/чужая вера), социальные (свое/чужое сообщество, свое/чужое сословие)» [19, с. 581]. Также в парадигме оппозиций существует и противопоставление «низкий/высокий», которое неразрывно связано с положением человека в обществе, проецируется внутри текста на различные плоскости и по-разному интерпретируется различными кодами, помогая моделировать взаимоотношения персонажей.

Текстовые маркеры идиостиля

Идиостиль может выражаться в выборе автором языковых средств любого уровня языка. В прозе постмодернизма выделяют несколько групп маркеров: стилистические, графические, лексико-синтаксические [20]. К стилистическим маркерам исследователи традиционно относят различные средства выразительности, в частности метафоры, перифразы, эпитеты и пр. Также одной из самых ярких особенностей идиостиля писателя постмодернизма являются окказионализмы, которые пришли на смену «осторожно-чистой, сверхправильной речи времен тоталита-

ризма» [21, с. 72]. Графические средства (выделение в тексте языковых единиц с помощью заглавных букв, отличающего шрифта), как правило, используются для постановки в тексте логического ударения, изображения интонации в репликах персонажей, отражения особенностей произношения [22]. Лексико-синтаксическими маркерами идиостиля являются уникальные конструкции, повторы, большое количество сложных предложений, построение которых происходит с помощью ассоциативных связей, или наоборот, короткие, практически раздробленные с помощью парцелляции, а также безличные предложения [23].

Материалы и методы исследования

Объектом исследования являются такие ключевые (на наш взгляд) особенности идиостиля Е. Некрасовой, как кумулятивность, наличие семантических оппозиций и особых лексических средств (окказионализмов, стилистических и лексико-синтаксических маркеров, прецедентных феноменов).

Источником материала послужили 7 рассказов Евгении Некрасовой общим объемом 14 710 словоупотреблений: «Сестромам» (2015), «Лакомка» (2014), «Вера» (2019), «Начало» (2017), «Поля» (2019), «Павлов» (2014), «Лицо и головы» (2017). Корпус составил 260 контекстов: 218 – для изучения лексических особенностей, 42 – для определения семантических оппозиций.

Результаты исследования

Кумулятивность

В ходе анализа сюжета рассказа «Сестромам» и признаков кумулятивности, описанных в работах А. А. Кретова, нами были выделены следующие признаки кумулятивности в прозе Е. Некрасовой: содержательные (описание многогранных причинно-следственных связей, значимость отдельного звена, которое зависит от остальных); формальные (композиция, цепочечная структура – кумуляция, лексико-синтаксические повторы).

Обращаясь к содержательным признакам, следует отметить, что сюжет рассказа «Сестромам» представляет собой не просто описание отдельных значимых событий из жизни Анечки и Сестромам, а целую сеть из сложных многогранных причинно-следственных связей, пронизывающих каждое отдельное событие и объединяющих их в единую структуру.

Главные герои рассказа – Анечка – молодая девушка, которая описана в первой главе «Шаг первый: из тела» как «всюду ладненькая», и Сестромам, старшая сестра Анечки, которая взяла на себя роль матери, когда та умерла: «*Не сестра – мама. Сестромам*

какой-то» [24, с. 89]. «Треклятого Сестромама» Е. Некрасова описывает как нечто неказистое, старое и слабое: у него «*воняло изо рта*», он «*хворал всеми заболеваниями, которые могут только влезть в живот*» [24, с. 90].

Анечка испытывает чувство вины за то, что редко ездит в гости к Сестромаму, однако бывать там Анечка не любит: «*Анечка старалась сама себе у Сестромама не показываться. Терялась тут же вся ее ладность, вся хорошесть*» [24, с. 93]. В момент, когда Сестромам находится при смерти, Анечка, приехавшая проведать старшую сестру, сидит в соседней комнате в Интернете, «*ставя дрожжащие лайки, читая посты, пища сообщения в личке, что Сестромам, кажется, умирает*» [24, с. 94].

Во второй главе «Шаг второй: из души» после смерти старшей сестры Анечка будто бы освобождается от оков, ощущая полную свободу, чувствуя, что больше не нужно играть роль хорошей девочки: «*У Сестромама душа шагнула из тела, а Анечка сама шагнула из души. Зачем таким мера, из души шагнувшим?*» [24, с. 97]. Об этом узнают знакомые Анечки и приходят к ней с безнравственными просьбами: поцарапать машину, отпугнуть обидчика, отравить мужа соседки.

В главе 3 «Шаг третий: в люди» к Анечке является Сестромам, душа которого приняла обличье птицы-Гамаюна, и высказывает свое мнение о ее текущем образе жизни: «*грех на душу – попусту*». Ведь после отравления мужа-пьяницы на его месте окажется такой же, который также будет бить жену, ломать ребра дочери, пить. Но «*шагнувших не волнует. Они вины, боли, страха, радости не чувствуют*» [24, с. 103]. Однако после того как одна «дачница-помидорница» попросила Анечку скинуть «*конкурентку-перепродащицу по ходу поезда*» [там же, с. 104], Анечку после ссоры с попутчиками и саму выкидывают из вагона. Тем временем Гамаюн-Сестромам предсказывает, что эта продавщица из-за испорченных помидоров поедет сразу домой и «*вовремя к матери успеет, которую вот-вот хватит удар...*» [там же, с. 105]. Данная новость о спасении жизни другого человека будто бы помогает Анечке искупить чувство вины, которое она испытывает из-за смерти Сестромама, и душа Анечки, «шагнувшая из тела», вновь возвращается обратно. Анечка снова становится собой, а душа Сестромама наконец-то находит покой в раю, где и встречается их с Анечкой маму.

Главным связующим звеном в сюжете рассказа «Сестромам» является душа Анечки, которая на протяжении всего произведения мечется, выходит из тела и снова возвращается обратно, пытается избавиться от чувства вины за смерть сестры и находит себе покой, лишь узнав, что поступила правильно. Други-

ми словами, какое-либо действие одной сестры основывается на поведении другой сестры в предыдущем эпизоде, и каждый такой элемент сюжета образует причинно-следственный ряд.

1. Из тела Сестромама выходит душа.
2. Анечка шагает из души.
3. Сестромам превращается в Гамаюна.
4. Душа Анечки возвращается к ее телу.
5. Душа Сестромама уходит из мира людей.

Переходя к анализу формальных признаков, следует отметить, что композиция в кумулятивных сказках состоит из трех основных частей: экспозиция, кумуляция и финал. В рассказе «Сестромам» экспозиция соответствует смерти старшей сестры. Далее описывается цепь из сюжетобразующих и взаимосвязанных событий. Кумуляцией являются Анечкины шаги, и с каждым шагом ее поступки становятся все хуже и безнравственнее. Связующим звеном между экспозицией и развязкой является описание спора с «дачницей-помидорницей», после которого Анечку избивают и выкидывают из вагона в канаву, где она лежит несколько часов и получает от Гамаюна-Сестромама хорошие новости. Развязка описана фразой «Все у Анечки плохо». Используя ключевые фразы текста, композицию рассказа можно изобразить следующим образом.

1. Экспозиция.
«*Все у Анечки хорошо, кроме Сестромама*».
Сестромам умирает.
2. Кумуляция.
«*Все у Анечки хорошо. Шагнула*».
«*Шагнула дальше*».
3. Финал.
«*Все у Анечки плохо*».

Однако фраза, обозначающая финал, вовсе не делает его трагичным. Наоборот, прежде фразами, подобными «*все у Анечки хорошо*», Е. Некрасова определяет жизнь младшей сестры как на первый взгляд благополучную и правильную, но на самом деле – фальшивую – показушную. Фраза «*Все у Анечки плохо*» делит само существование Анечки на «до» и «после» и разделяет былую показушность и внешнее «хорошо» на ныне внутренне осознанное добро и духовность и внешнее «плохо». История Анечки – это история про духовную эволюцию: от внешнего благополучия и «правильности» – к вседозволенности и всеотрицанию и от них – к доброте и духовности.

Также одной из отличительных особенностей кумулятивности являются повторы. В рассказе «Сестромам» были обнаружены повторы двух типов:

- 1) простой лексический повтор, когда внутри короткого отрезка текста повторяется одно и то же слово: *Все у Анечки хорошо. Шагнула. Толкнула в метро беременную, отвернулась – шагнула дальше;*

2) повтор части рассказа: *Анечка – всюду ладненькая, маечки под курточкой, кеды, бритые височки, острые крылышки-лопатки. Всюду ладненькая, маечки под свитерком, кеды, бритые височки, острые крылышки-лопатки. Ведь все у нее хорошо, всюду ладненькая, маечки под свитерком, кеды, бритые височки, острые крылышки-лопатки.*

Семантические оппозиции

Следующим этапом нашего исследования было рассмотрение традиционных семантических оппозиций в произведениях Е. Некрасовой, которые наиболее ярко представлены в рассказах «Сестромам» и «Лакомка». В таблице показаны основные оппозиции в рассказе «Сестромам».

Т а б л и ц а

Семантические оппозиции в рассказе «Сестромам»

Оппозиция	Низкий/высокий			Свой/чужой
Семантический уровень	Духовный	Телесный	Семейный	Этический
Конкретный вид (derivativ)	Глупый/умный	Уродливый/красивый	Младший/старший	Дружественный/враждебный
Производная оппозиции в сюжете	Глупый – Анечка Умный – Сестромам	Уродливый – Сестромам Красивый – Анечка	Младший – Анечка Старший – Сестромам	Дружественный – Сестромам Враждебный – Анечка

1. Оппозиция глупый/умный.

Глупая Анечка: *Анечка маялась уравнивать, интегрировать, косинусить. Алгебра – белиберда. Ум распят на тригонометрии.*

Умный Сестромам: *Старшая у мамы (Сестромам) – кандидат физико-математических наук.*

2. Оппозиция уродливый/красивый.

Уродливый Сестромам: *Сестромам нескладный, неладный, перья опавшие, крылья грустные, груди длинные квели болтались, куриные лапы царапали паркет.*

Красивая Анечка: *Личико чистенькое – без прыщика, стена фейсбука чистенькая – без кошечки, банковская история чистенькая – без долга. Всем и себе Анечка загляденье.*

3. Оппозиция младший/старший:

Старший Сестромам / младшая Анечка: *Старшая у мамы – кандидат физико-математических наук – подхватила Анечку и превратилась в треклятого Сестромама.*

4. Оппозиция дружественный/враждебный.

Дружественный Сестромам: *Сестромам угощала их пряниками и ждала, когда придет мама. Прямо как себе Маша и представляла – так и сбылось.*

Враждебная Анечка: *Толкнула в метро беременную, отвернулась – шагнула дальше. Выбросила языки, вольнку, волонтерство. Зачем таким делать вид, что делают добро, из души шагнувшим?*

Как следует из примеров, семантические оппозиции помогают противопоставить личности главных героев и проследить за динамикой развития каждого из них. Стоит также заметить, что персонажи Е. Некрасовой, которые в оппозициях на телесном семантическом уровне занимают место «красивых» и «складных», в большинстве случаев на духовном и

этическом уровнях являются «глупыми» и «враждебными». Это еще раз доказывает, что для Е. Некрасовой внутренняя красота важнее внешней.

Сказочные речения

Продолжая анализировать элементы постфольклора в произведениях Е. Некрасовой, мы отметили вкрапление в текст сказочных речений, характерных для устного народного творчества. Так, например, речение «они будут жить-поживать и добра наживать» Е. Некрасова использует в отношении «страдальцев-ответов», которые у Анечки никак не сойдутся с книжными, когда та вместе с Сестромамом решает задачки по математике: *Числа склянками звенели под Анечкиными извилинами. Сестромам предвкушал решение и кушал баранку с чаем. Куда он денется – ответ сойдется с книжным двойником, они будут жить-поживать и добра наживать. Анечка разжала пальцы, страдальцы-ответы не сошлись [24, с. 90].*

Стихотворные элементы в прозе Е. Некрасовой

Еще одной особенностью идиостиля Е. Некрасовой является наличие стихотворных элементов как признака эклектичности, смешения разных литературных форм. Здесь мы видим проявление наиболее важных характеристик поэзии постмодернизма, сформулированных Н. А. Ловчинским с опорой на классификацию И. Хассана: открытая разомкнутая антиформа, случай, имманентное [25].

Открытая разомкнутая антиформа означает отказ от строгих правил, касающихся формы стихотворного элемента [26]. Рифма и ритм стихотворения могут как отсутствовать, так и появляться в различных его частях, иногда даже самых непредсказуемых. Коли-

чество строчек внутри строфы не ограничено, что дает автору полную свободу в формотворчестве. Так, в рассказе «Начало», где Е. Некрасова создает отдельную главу для песен, которая называется «Настенные песни Гальки в исполнении Полубога», мы находим яркий пример данного явления: *Поклоны бью,/ Тебя люблю;/ Целовал бы/ Лоно, локоны,/ Муки вокруг да около* («Начало»).

Случай определяет поэтический текст как первоначальный и неизменный арт-объект. Внутри поэзии постмодернизма нет места обязательным доработкам, цензуре, рефлексии, и стихотворные элементы попадают в руки читателя в том первоначальном виде, который создал автор в стихийном творческом порыве. Отказ от так называемого «перфекционизма» внутри словотворчества постмодернистами делается осознанно, и таким образом любой поток мыслей, преподнесенный автором как стихотворный элемент, имеет право на существование [25]. Так, например, в рассказе «Начало» в главе «Зеркало» мы можем найти следующее стихотворение: *Доброе утро, доброе,/ Чувство внутриутробное,/ Чудо внесоборное,/ Лавина моя горная,/ Сыплешь и славись,/ Я начинаюсь,/ Я просыпаюсь./ Любовь* («Начало»).

Критерий «имманентное» определяет элементы постмодернистской поэзии как «гиперэкзистенциальные» [25], что означает перенос внимания автора с внешних конфликтов (политических, социальных) на внутренние. Так, например, в рассказе «Начало» героиня размышляет о собственном бытии в следующем стихотворении: *Если меня выжаты,/ То ничего не останется на полу,/ Даже мокрого места./ Если меня разорвать,/ То ничего не останется в руках./ Даже мятой одежды./ Потому что я – пустота в форме человека/ в форме горы./ По крайней мере, так рассказывает зеркало* («Начало»).

Кроме того, среди стихотворных элементов в прозе Е. Некрасовой можно выделить особый тип песенок-предсказаний, которые по форме и содержанию очень близки устному народному творчеству, в частности заговорам. Рассмотрим песенку из рассказа «Сестромам»: *Прилетел гамаюн, гамаюн,/ Рассказал про май-июнь, май-июнь./ Про того, кто будет маяться,/ Про того, кто будет июниться./ ... Улетай гамаюн, гамаюн./ Помолчи ты про май и июнь,/ Не хотим мы промаяться, просемеиться,/ Не хотим языками судеб плестись,/ За тобой тянуться или крылом рваться./ Лети ты в рай лучше!* («Сестромам»). Гамаюн – посланник бога в славянской мифологии, который имеет облик птицы. Предназначение данного существа кроется в предсказании будущего тем, кто готов раскрыть все тайны. В данном поэтическом элементе мы видим описание действий волшебной птицы, очутившейся в подмосковной квартире вместе с Анечкой. Более того, последняя

строфа показывает неготовность лирического героя услышать будущее, и может трактоваться как отворот: магическая манипуляция для исполнения желаемого.

Также в рассказе «Начало» мы можем наблюдать стихотворный элемент с синтаксическим параллелизмом, присущим русским народным сказкам: *По полкам по полкам/ По закоулкам/ Растащили мы наши радости,/ По полу по полу/ По половицам/ Размазали мы наши надежды,/ Проворонили наши желания,/ Забыли, кем должны были проснуться* («Начало»).

Текстовые маркеры идиостиля Е. Некрасовой

Количественный анализ текстовых маркеров идиостиля Е. Некрасовой показал, что наиболее частотным является использование окказионализмов, образованных путем сращения. При этом были выделены три типа: сращение двух слов (*пряди-повстанцы* («Начало»)), сращение словосочетаний (*рано-голых-головою-мужиков* («Поля»)) и предложений (*Прости-им-не-ведает-что-гуманитариев-нельзя-мучить-математикой* («Сестромам»)). Окказионализмы *бездочерний, безыюзно* («Поля»), *полусиротство* («Лицо и головы») образованы способом аффиксации.

Также в рассказах Е. Некрасовой встречаются окказионализмы, в основе которых лежит чресступенчатое образование, когда автор создает новую форму от несуществующего слова: *заспрашивала* («Сестромам»), *буквы схороводились* («Начало»), *мужжская модель* («Поля»). Контаминация наблюдается в следующих случаях: *после долгих лет жизни-нисна; винапричина* («Сестромам»), *алкопогубленная* («Начало»). Кроме того, встречаются и графические окказионализмы – как можно ТАК найти? («Поля»), где визуальный акцент создает эффект логического ударения в тексте.

Следующими по частотности являются стилистические маркеры, среди которых – метафоры, сравнения, творительные сравнения, перифразы, эллипсисы и алогизмы. Е. Некрасова чаще всего использует антропоморфные метафоры: *Солнце шкуруло кирпичи на клумбах* («Лакомка»). Во многих случаях мы наблюдаем буквализацию метафоры, когда метафорическое выражение употребляется в прямом значении [27]: *Двери эти всю жизнь ненавидели людей и оба мира, воротами в которые являлись: и наружный, и внутренний. Плевались ключами, зажимали их мелкими зубками, хлопали, скрипели – в общем, делали все, чтобы хозяевам и гостям было чрезвычайно неудобно* («Лакомка»).

Сравнения в рассказах Е. Некрасовой обладают высокой степенью образности: *Но неудобное чувство разрасталось внутри, как младенец, надувалось, оформлялось в настоящее, жизнеспособное* («Павлов»). Автор часто использует творительные сравне-

ния: *Числа склянками звенели под Анечкиными извилинами* («Сестромам»). Перифразы добавляют тексту выразительности, музыкальности: *...принялся, как всегда, сторожить разноцветный отряд переоценённого железа* («Павлов»). Эллиптические конструкции соответствуют основным принципам постмодернизма: *Мама под землю* (прим. под землю была опущена, т. е. умерла) *и спуталась с корнями с Анечкиных шестнадцати* («Сестромам»). Алогизмы создают комический эффект: *Пили пиво, плевались семечками и матом...* («Лакомка»). Кроме того, Е. Некрасова часто использует повторы в пределах одного предложения: *Ладная какая, какая ладная баба, – приплакивал он* («Поля»); *рана на телефоне, рана на душе, до секунды назад был нов* («Начало»).

Интертекстуальность прозы Е. Некрасовой также обеспечивается использованием прецедентных феноменов. Так, например, во фрагменте рассказа «Сестромам» *«черт попутал. Бог заснул. Зачем ты ломаешь ребро, которое сам же отдал?»* прецедентная ситуация отсылает читателя к библейской истории Ветхого Завета «Бытие». В рассказе «Лакомка» прослеживается отсылка к русской народной сказке «Кощей Бессмертный», где подробно описано местонахождение иголки, которая помогла умертвить главного антагониста сказки: *Деньги прятались в кошельке. Кошелек в сумке. Сумка в ящике. А ящик, будто язык, высовывался из гардероба. Но гардероб на замке. Замок на ключе. Ключ в кладовке – серьгой на крючке*. В рассказе «Сестромам» также используется прецедентное имя: *там все болело внутри, Анечка не любила болезни, она любила Бобо*, где Бобо – это неологизм, придуманный Дэвидом Бруксом, который желал показать феномен новой элиты, нового класса, живущего в век информационных технологий – «богемной буржуазии». Подкреплением прецедентности данного имени служит следующее предложение в рассказе: *«Мы – богема, мы – буржуазия»*. Показательно использование имени писательницы и сценаристки Сьюзен Зонтаг, перевернувшей взгляд общества на фотографию, в качестве прецедентного: *вместо ада течёт полка подле музейной кассы, Сьюзен Зонтаг опрокинулась* («Сестромам»).

Выводы

Анализ идиостиля Е. Некрасовой позволил охарактеризовать писательницу как языковую личность с уникальным видением мира. Все ее рассказы объединены общим мотивом: призывом к человечности, к обретению целостного «Я». Идиостиль Е. Некрасовой отличается набором уникальных языковых средств, которые соответствуют основным принципам прозы постмодернизма. Рассказы «Сестромам» и «Начало» написаны в поэтике кумулятивных сказок, что проявляется в наличии цепочечной структуры, включающей

в себя множество лексико-синтаксических повторов и описывающей многогранные причинно-следственные связи. К элементам постфольклора в прозе Е. Некрасовой можно отнести наличие семантических оппозиций «низкий/высокий», «свой/чужой», сказочных речений и песенок-заговоров. Также отличительной особенностью идиостиля Е. Некрасовой является использование окказионализмов, наиболее частотными из которых являются сращения, аффиксация, чресступенчатое образование. Проза Е. Некрасовой отличается высокой степенью образности, использованием таких языковых средств, как метафоры, сравнения, творительные сравнения, лексико-синтаксические повторы, прецедентные феномены.

Основная черта некрасовского текста – существование его на пересечении двух миров, реального и мифического. Обволакивая свои сюжеты сказочной пеленой, Е. Некрасова будто бы заставляет их застыть на этой границе, и они, словно Баба-яга, стоят одной ногой в мире людей, а другой, костяной, в магическом мире, мире домовых, кикимор и гамаюнов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Телия В. Н.* Фразеология в контексте культуры. М. : Языки русской культуры, 1999. 336 с.
2. *Виноградов В. В.* О теории художественной речи. М. : Высш. школа, 1971. 211 с.
3. *Пищальникова В. А.* Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект. Барнаул, 1992. 73 с.
4. *Тереженко Л. В.* Постмодернизм в российской культуре : специфика и особенности проявления : автореф. дис. ... канд. культурологи. Краснодар, 2004. 22 с.
5. *Степанов Ю. С.* Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конце XX века. М., 1995. С. 33–44.
6. *Долженко А. Н.* Фьюжн как принцип (об эклектике в постмодернизме) // Известия ВГПУ. М., 2012. С. 140–143.
7. *Егорова Л. П.* Постмодернизм : программа и проблемы изучения // Русский постмодернизм : предварительные итоги. Ставрополь : Изд-во Ставроп. ГУ, 1998. С. 12–13.
8. *Маркова Т. Н.* Стилевая эклектика как закономерность литературы переходного периода // Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI вв. : сб. науч. ст. : в 2 ч. Минск : РИВШ, 2007. С. 61–67.
9. *Погребная Я. В.* Имя-псевдоним-безымянность в художественном мире В. В. Набокова (К вопросу о генезисе новой прозы) // Русский постмодернизм : предварительные итоги. Ставрополь, 1998. С. 82–88.
10. *Неклюдов С. Ю.* После фольклора // Живая старина. 1995. № 1. С. 2–4.
11. *Петренко С. Н.* Жанровые модели постфольклора в русской постмодернистской литературе последней четверти XX – начала XXI века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017. 25 с.

12. Штапов А. В., Подтележникова Е. Н. Ирреальность в русских народных сказках // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 91–97.

13. Коротаева В. А., Подтележникова Е. Н. Моделирование семантического поля «Сверхъестественное» в русском языке // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 121–126.

14. Шмальц Р. В., Подтележникова Е. Н. Анализ лексики произведения Даниила Андреева «Роза Мира» на основе онтологического подхода // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Системный анализ и информационные технологии. 2017. № 4. С. 154–158.

15. Пропт В. Я. Кумулятивная сказка // Фольклор и действительность : избр. ст. М. : Наука, 1976. С. 241–257.

16. Кретов А. А. Сказки рекурсивной структуры // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. 1994. С. 204–214.

17. Ведерникова Н. М. Антитеза в волшебных сказках // Фольклор как искусство слова. М., 1975. Вып. 3. С. 66–78.

18. Иванов В. В., Топоров В. Н. К истокам славянской социальной терминологии (семантическая сфера общественной организации, власти, управления и основных функций) // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984. С. 156–157.

19. Белова О. В. Свой – чужой // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. П (Переправа через воду) – С (Сито). М. : Междунар. отношения, 2009. С. 581–582.

20. Лучинская Е. Н. Постмодернистский дискурс : семиологический и лингвокультурологический аспекты интерпретации : монография. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2002. 194 с.

21. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи // Русский язык в школе. 1998. № 1. С. 11–13.

22. Кольцова Л. М. Художественный текст через призму авторской пунктуации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2007. 49 с.

23. Покровская Е. А. Русский синтаксис в XX веке : лингвокультурологический анализ. Ростов н/Д., 2001. 436 с.

24. Некрасова Е. И. Сестромам. О тех, кто будет маяться. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. 379 с.

25. Ловчинский Н. А. Современная русская постмодернистская поэзия : отличительные черты и критерии отбора материала для научного исследования // Вестник Челябин. гос. ун-та. 2009. № 43 (181). С. 95–97.

26. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм : очерки исторической поэтики : монография. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1997. 317 с.

27. Гриднева Н. А. Буквализация метафоры в художественном языке фантастики (на примере рассказов Р. Брэдбери) // Rhema. Рема. 2019. № 1. С. 9–19.

REFERENCES

1. Teliya V. N. *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the context of culture]. M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1999. 336 p.

2. Vinogradov V. V. *O teorii khudozhestvennoj rechi* [On the theory of artistic speech]. M.: Vyssh. shkola, 1971. 211 p.

3. Pishchalnikova V. A. *Problema idiostilya. Psikholingvisticheskiy aspekt* [The problem of idiostyle. Psycholinguistic aspect]. Barnaul, 1992. 73 p.

4. Tereshchenko L. V. *Postmodernizm v rossijskoj kul'ture : Spetsifika i osobennosti proyavleniya* [Postmodernism in Russian culture : Specifics and features of manifestation]. PhD Dissertation Abstract. Krasnodar: State University of Culture and Arts, 2004. 22 p.

5. Stepanov Yu. S. *Al'ternativnyj mir. Diskurs. Fakt i printsip prichinnosti* [Alternative world. Discourse. Fact and the principle of causality]. In: *YAzyk i nauka kontse XX veka*. M., 1995. Pp. 33–44.

6. Dolgenko A. N. *F'yuzhn kak printsip (ob ehklektike v postmodernizme)* [Fusion as a principle (on eclecticism in postmodernism)]. In: *Izvestiya VGPU*. M., 2012. Pp. 140–143.

7. Egorova L. P. *Postmodernizm: programma i problemy izucheniya* [Postmodernism: the program and problems of studying]. In: *Russkiy postmodernizm: Predvaritel'nye itogi*. Stavropol': Izd-vo Stavrop. GU, 1998. Pp. 12–13.

8. Markova T. N. *Stilevaya ehklektika kak zakonomenost' literaturny perekhodnogo perioda* [Stylistic eclecticism as a pattern of literature of the transitional period]. In: *Russkaya i belorusskaya literaturny na rubezhe XX–XXI vv.: sbornik nauchnykh statej*. In 2 ch. Minsk: RIGA, 2007. Ch. 1. Pp. 61–67.

9. Pogrebnaya Ya. V. *Imya-psevdonim-bezimyannost' v khudozhestvennom mire V. V. Nabokova (K voprosu o genezise novoj prozy)* [Name-pseudonym-namelessness in the artistic world of V. V. Nabokov (On the question of the genesis of new prose)]. In: *Russkiy postmodernizm: predvaritel'nye itogi*. Stavropol, 1998. Pp. 82–88.

10. Neklyudov S. Yu. *Posle fol'klora* [After folklore]. In: *ZHivaya starina*. 1995. No. 1. Pp. 2–4.

11. Petrenko S. N. *Zhanrovye modeli postfol'klora v russkoj postmodernistskoj literature poslednej chetverti XX – nachala XXI veka* [Genre models of post-folklore in Russian postmodern literature of the last quarter of the XX – beginning of the XXI century]. PhD Dissertation Abstract. Volgograd, 2017. 25 p.

12. Shtapov A. V., Podtelezhnikova E. N. *Irreal'nost' v russkikh narodnykh skazkakh* [Unreality in Russian folk tales]. In: *Vestnik Voronezh. gos. un-ta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2019. No. 4. Pp. 91–97.

13. Korotaeva V. A., Podtelezhnikova E. N. *Modelirovanie semanticheskogo polya «Sverkhjestestvennoe» v russkom yazyke* [Modeling of the semantic field «Supernatural» in the Russian language]. In: *Vestnik Voronezh. gos. un-ta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2018. No. 4. Pp. 121–126.

14. Shmalts R. V., Podtelezhnikova E. N. Analiz leksi-ki proizvedeniya Daniila Andreeva «Roza Mira» na osnove ontologicheskogo podkhoda [Analysis of the vocabulary of Daniil Andreev's work «The Rose of the World» on the basis of an ontological approach]. In: *Vestnik Voronezh. gos. un-ta. Ser. Sistemnyj analiz i informatsionnye tekhnologii*. 2017. No. 4. Pp. 154–158.
15. Propp V. Ya. Kumulyativnaya skazka [Cumulative fairy tale]. In: *Fol'klor i dejstvitel'nost': Izbrannye stat'i*. Moscow: Nauka, 1976. Pp. 241–257.
16. Kretov A. A. Skazki rekursivnoj struktury [Tales of recursive structure]. In: *Trudy po russkoj i slavyanskoj filologii. Literaturovedenie*. 1994. Pp. 204–214.
17. Vedernikova N. M. Antiteza v volshebnykh skazkakh [Antithesis in fairy tales]. In: *Fol'klor kak iskusstvo slova*. Issue 3. M., 1975. Pp. 66–78.
18. Ivanov V. V., Toporov V. N. K istokam slavyanskoj sotsial'noj terminologii (semanticheskaya sfera obshhestvennoj organizatsii, vlasti, upravleniya i osnovnykh funktsij) [To the origins of Slavic social terminology (semantic sphere of public organization, power, management and basic functions)]. In: *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Yazyk v ehtnokul'turnom aspekte*. Moscow, 1984. Pp. 156–157.
19. Belova O. V. Svoj – chuzhoj [Own – alien]. In: *Slavyanskije drevnosti: ehtnolingvisticheskij slovar': v 5 t.* Moscow: Mezhdunar. Relations, 2009. Pp. 581–582.
20. Luchinskaya E. N. *Postmodernistskij diskurs: semiologicheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty interpretatsii* [Postmodern discourse: semiological and linguoculturological aspects of interpretation: monograph]. Krasnodar: Kuban. gos. un-t, 2002. 194 p.
21. Kostomarov V. G. YAzykovoje vkus ehpokhi [Linguistic taste of the epoch]. In: *Russkij yazyk v shkole*. 1998. No. 1. Pp. 11–13.
22. Koltsova L. M. KHudozhestvennyj tekst cherez prizmu avtorskoj punktuatsii [Artistic text through the prism of author's punctuation]. PhD Dissertation Abstract. Voronezh, 2007. 49 p.
23. Pokrovskaya E. A. *Russkij sintaksis v KHKH veke: lingvokul'turologicheskij analiz* [Russian syntax in the twentieth century: linguoculturological analysis]. Rostov n/D., 2001. 436 p.
24. Nekrasova E. I. *Sestromam. O tekh, kto budet mayat'sya* [Sestromam. About those who will be worried]. Moscow : AST Publishing House : Edited by Elena Shubina, 2019. 379 p.
25. Lovchinsky N. A. Sovremennaya russkaya postmodernistskaya poehziya: otlichitel'nye cherty i kriterii otbora materiala dlya nauchnogo issledovaniya [Modern Russian postmodern poetry: distinctive features and criteria for selecting material for scientific research]. In: *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. No. 43 (181). Pp. 95–97.
26. Lipovetsky M. N. *Russkij postmodernizm: Ocherki istoricheskoi poehtiki : monografiya* [Russian postmodernism: Essays of historical poetics : monograph]. Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 1997. 317 p.
27. Gridneva N. A. Bukvalizatsiya metafory v khudozhestvennom yazyke fantastiki (na primere rasskazov R. Brehdberi) [The literalization of metaphor in the artistic language of fiction (on the example of R. Bradbury's stories)]. In: *Rema*. 2019. No. 1. Pp. 9–19.

Воронежский государственный университет

Подтележникова Е. Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики

E-mail: podtelezhnikova@yandex.ru

Луценко А. Ю., студент

E-mail: nstltsnk@mail.ru

Поступила в редакцию 5 июля 2022 г.

Принята к публикации 26 сентября 2022 г.

Для цитирования:

Подтележникова Е. Н., Луценко А. Ю. Языковые особенности идиостиля Евгении Некрасовой // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 106–114. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2022/4/106-114>

Voronezh State University

Podtelezhnikova E. N., Candidate of Philology, Associate Professor of the Theoretical and Applied Linguistics Department

E-mail: podtelezhnikova@yandex.ru

Lutsenko A. Yu., Student

E-mail: nstltsnk@mail.ru

Received: 05 July 2022

Accepted: 26 September 2022

For citation:

Podtelezhnikova E. N., Lutsenko A. Yu. Linguistic features of Evgenia Nekrasova's idiostyle. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2022. No. 4. Pp. 106–114. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2022/4/106-114>